Эдгар Дубровский

Холодное лето пятьдесят третьего.

Рассказ для кино

1989

Эдгар Дубровский

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО

РАССКАЗ ДЛЯ КИНО

Нынешнее лето в тайге было ненастное, холодное. Только в середине июля выдалось несколько теплых тихих дней. Лес прогрелся. Земля курилась парко́м по утрам.

Сильная, глубокая река упиралась здесь в правый берег, выгрызала песчаный обрыв и отворачивала влево. Лесистый берег понижался — и открывалась на нем старая вырубка. Сто лет назад высадили тут горстку ссыльнопоселенцев. Те прижились, обстроились, проложили через тайгу конную тропу к далеким иным поселениям, освоили реку — главный здешний путь. Понемногу вплелась та новая жизнь в местный узор.

Девять крепких изб простояли век. Теперь жителей было мало — три старика и восемь старух, молодежи не было. Три избы стояли нежилые. Не так давно, перед войной, когда жителей было больше, в самом верху вырубки, у леса, вырос большой дом, крытый железом: «Отделение Сугранской фактории». От него единственная улица спускалась сквозь строй изб к реке, дебаркадеру с табличкой «Пристань 420 кв». Подальше впадал в реку таежный ручей и образовывал что-то вроде залива. Жители держали здесь свои лодки — узкие, крутоносые, черные от вара. Через ручей был налажен мостик без перил, тропа шла от него по берегу к длинному сараю из горбыля. Торцовых стен у сарая не было, сквозной ветерок слабо трогал висящие под крышей янтарно-прозрачные балыки. На стене сарая белилами было выведено: «Встретим ударным трудом путину 1953 года». Последняя цифра была свежевыписана поверх полустертых.

В тени сарая на ворохе старых сетей сидел худой, дочерна загорелый старик. На нем был выцветший комбинезон и сношенные кирзовые сапоги. К комбинезону грубыми, но надежными швами хозяин пришил много карманов разной величины и формы.

В оформлении использованы кадры из фильма «Холодное лето пятьдесят третьего».

Рядом со стариком лежал человек неопределенного возраста, грязный, обросший, в рваном вигоневом свитере и стройбатовских штанах. Он был бос. Пара обтрепанных грубых башмаков, связанных веревочными шнурками, стояла рядом.

Старика звали Копалычем, второго — Лузгой.

Вдали, на песчаной косе видны были фигурки людей возле вóрота, на который они наматывали подборы невода. Там была рыбацкая тоня, с нее жители и кормились.

По свитеру Лузги ползла жирная зеленая гусеница. Оба следили за ней.

— Если до шеи доползет, — сказал Копалыч с надеждой, — милиционер привезет газеты.

— А если до носа? — лениво спросил Лузга.

— Тьфу!

— Если до носа — привезет журналы, — с вялой издевкой продолжал Лузга. — Если до глаза — привезет письмо... Ждешь?

Копалыч не ответил, насупился. Лузга недобро усмехнулся, снял гусеницу и посадил дальше, на бедро. Она подергалась и свалилась на землю.

— Кто-то же тебя родил, — с раздражением сказал Копалыч. — А от нее еще какие-нибудь родственники... Где-то... Не может никого не быть.

— В капусте нашли... Вертухай надыбал.

Помолчали.

— Голубцов хочу, — сказал Копалыч. — С томатом, сметаной. Ел когда-нибудь голубцы-то?

— Не знаю...

— Не ел.

На тоне крутили ворот шестеро старух, а трое стариков тащили из воды подборы невода. Вытащили на песок мотню с рыбой, принялись разбирать улов, раскладывать по ящикам.

— Скоро привезут, — сказал Копалыч, поглядев туда, и достал из кармана оловянную ложку, а из другого — обломок оселка. — На, поточи.

Лузга не взял. Копалыч бросил их ему на грудь.

— Встань, поработай, — брезгливо сказал Копалыч. — Будет законная доля, а не подачка.

Лузга давно потерял способность удивляться, но тут бровь его поднялась.

— Ну ты чешешь! Как прокурор.

Копалыч взял у него ложку и оселок. Ручка ложки была сточена наискось, но затупилась. Копалыч стал затачивать лезвие до бритвенной остроты.

— Старики решили тебя больше не кормить, — сказал он.

— У кого рыба, тот и прав, — вяло кивнул Лузга, слова Копалыча его не озаботили. — «Встань, поработай»...

Ну, встану, рыбу иачну шкерить... С ходу у меия — начальннк, дед Яков. То сделай, сё... А я ие хочу бочки мыть нз-под рассола! Он меия выгонит, и я опять лягу. На хрен тогда вставать?

— Сдохиешь с голода.

— Зато лежа. — Лузга помолчал, глядя в небо, н сказал, меняя смысл: — Законная доля.

Подошлн лодки с уловом. Старухи умело н молча опростали лодки, часть ящиков занеслн в сарай — то была рыба для засолки и вяления: кумжа, леиок, чнр.

— Нынче прнбыток не велик, — сказал высокий старик в очках, седобородый, похожий на Чернышевского, бригаднр Яков. — Однако малый бочонок засолим. Приступай, Копалыч.

Небольшого осетра и ящик с иельмой и судаком старики потащили к лединику, что был выкопан у края леса. Старухн же сталн делить лещей, сорогу, окуией и всякую мелочь.

Подошла с ведром Лида, прнземистая, широкая в кости женщнна лет сорока, немая, работавшая на пристани матросом. Ей уважительно наполнилн ведро рыбкой покрупней. Маленькая черноглазая старуха смотрела иа факторню.

— Ну, неси ему, — сказала ей другая старуха. — С утра вроде напевал чего-то.

Черноглазая перекрестилась и подхватила ведро.

Заведующий отделением факторни Зотов, крепенький человек с белесыми бровями и ресинцами иа твердом лице, иосил чериый костюм, брюки заправлял в хромовые сапоги, брился каждый день — вообще следнл за собой тщательно. Один жил, бобылем, скотины не держал, только кур — для янц и диетического мяса.

Вот и сейчас он ходил среди кур, высматривая намеченную. Ловко поймал ее, взял за лапы головой вниз и кухонным ножом, как шашкой, отсек голову. Далеко тянул голову и клоинлся вперед, чтобы сапоги не забрызгать.

Черноглазая прннесла рыбу.

— На слабую уху поймали сёдин. Извини, Степаныч.

— Поставь там.

— Керосин вот кончатся. Не отольешь бутылку до баржи дотянуть?

— Подумаем, — не сразу ответил он.

Копалыч расположился в сарае, достал нз кармана самодельную деревянную коробочку, бережно вынул из нее очки, многократно чнненные проволочкой и иитками, иадел н прннялся за работу. Был ои подвижен, легок — ие так уж много было ему лет, как казалось на первый взгляд. Он шмякал иа доски стола рыбину головой от

себя, спиной вправо, одним быстрым движением втыкал лезвие ложки в рыбью голову и проводил к себе вдоль хребта, разваливая, раскрывая рыбу. Поворачивал кулак и обратным движением ложки выгребал внутренности и сбрасывал в ведро. А распластанную рыбину клал в чан с рассолом. Над сараем с криком летали чайки.

— Эй, ты, философ! — позвал Копалыч.

Но Лузги у сарая не было. Он лежал теперь в другом месте, на песке, недалеко от пристани и смотрел, как девочка Саша, дочь Лиды, укладывает собранные для засушки растения в проволочные гербарные сетки.

Саше было пятнадцать. Крупная, широкая в кости — в мать, она выглядела старше. Когда она задумывалась, то прикусывала губу и взгляд как бы уходил внутрь: ее некрасивое лицо освещалось, становилось тонким, неожиданно прелестным. Саша была здесь на каникулах, жила с матерью на дебаркадере.

— Что ж ты цветы за решетку сажаешь? — лениво пошутил Лузга.

— Пятиклашек по ним учить будут, — она покосилась на него. — Ты, что ли, в школе ботанику не учил?

— Не помню.

— Ну, и враки! Как это не помнишь?! Не старик.

— Не, не помню.

— На тебя просто зла не хватает! — всерьез рассердилась она.

Из дебаркадера вышла Лида с тазом рыбы, покосилась в сторону дочери. Стала чистить рыбу и все косилась. Наконец постучала ножом по тазу. Саша обернулась. Мать быстро заговорила пальцами и лицом — языком глухонемых. Саша выслушала, упрямо дернула плечом и отвернулась.

— Чего она? — без интереса спросил Лузга.

— Не твое дело! — сердито бросила девочка.

На реке вдалеке застучал мотор. Саша прислушалась.

— Маиков?

— Он, — сказал Лузга.

Крупная моторка с разгона вползла на песок. Милиционер Маиков несколько секунд сидел неподвижно, по профессиональной привычке внимательно и последовательно оглядывая берег и вырубку с избами.

На дебаркадере появился начальник пристани Фадеичев в застиранном кителе и форменной фуражке. Начальственно поднял руку на шутливо отданную Маиковым честь.

— Привет товарищу капитану рейда! — сказал Маиков.

Фадеич, так его все звали, кивнул и скрылся.

Маиков встал, ступил на берег и небрежным рывком втащил тяжелую лодку на землю. Он был необычайно силен, хотя и не больно высок ростом.

На звук мотора Копалыч загодя вышел из сарая и направился к Лузге. Тот встал. Оба напряженно смотрели на милиционера.

Наконец Маиков впервые посмотрел в их сторону, внимательно оглядел, помедлил и кивнул. Лузга тут же лег, а Копалыч поспешил назад, к сараю.

Все это время Саша чрезмерно внимательно занималась гербарием и как бы не видела процедуры проверки ссыльных. Чужое унижение раздражало ее.

К лодке Маикова подошли бригадир Яков, другой старик, маленький, и черноглазая старуха. Маленькому Маиков привез двуручную пилу, Якову обещанное не привез, а черноглазая получила от него три стекла для керосиновой лампы.

Маиков достал из лодки потертый саквояж, забросил за спину автомат ППШ, а затем взял связанные шпагатом три деревянные резные рамки и пошел к пристани.

Саша искоса посмотрела на Лузгу.

— Копалыча зовут так, потому что в тайге копается. А почему тебя Лузгой зовут?

— Так я и есть Лузга.

— Ну, и врешь ты все! — опять рассердилась она. — Все ты помнишь, а не говоришь, потому что ты бессовестный! У нас просто так не сажают!

Лузга засмеялся, поднял камешек и кинул Саше на колени.

Она с нарочитой брезгливостью сбросила камешек.

Манков вошел в комнату Фадеича.

На реке Фадеич прослужил всю жизнь, бывал и капитаном буксира, а когда списали из плавсостава по здоровью, стали его понижать — главным образом из-за бестолковости и вздорности характера — и допонижали до этого дебаркадера. Дальше некуда. Жену он два года как схоронил, сыновья еще раньше разлетелись и жили где-то глухо, а больше у него никого не было. Вся жизнь и его, и его близких была с ним — на стенах комнаты, точней, каюты. Он очень любил фотографироваться, а рамочки для фоток делал сам. Были на стенах и картинки из «Огонька» — тоже в рамах.

На столе стоял самовар трубой в форточку. Фадеич листал старый «Огонек». Манков протянул рамочки, Фадеич принял их с вожделением.

— Взял у фотографа, — сказал Манков. — Пошлешь ему пару балыков.

— Фабричные! — Фадеич ласкал рамки пальцами.

Манков достал из саквояжа газеты, бросил на кровать. Сел, устало откинулся к стене.

— Чем живет страна? — Фадеич покосился на газеты.

Манков угрюмо посмотрел на журнал. Там был портрет Берии.

— Позавчера кореша схоронил. Воевали вместе.

— Скончался от ран? — деловито спросил старик.

— Урки зарезали. В подъезде. С дежурства шел. Зарезали, раздели — форму сняли, наган... Это они так амнистию празднуют! Магазин грабанули, с пальбой, людей поранили... Ну, мы их!.. Но шесть человек ушли в тайгу, а у нас собак не хватает!

— Какую амнистию? — спросил Фадеич.

Манков поморщился, вырвал у него журнал.

— Дай сюда! Вот! — Он потряс портретом. — Маршал Берия, Лаврентий Палыч... Весной, после смерти товарища Сталина, всем уркам амнистию дали. Его дело. Я ничего понять не мог! Всех урок — на свободу! Органы с ног сбились, до сих пор кровью захлебываемся, мать твою!..

— Все было учтено, — легко сказал старик. — Значит так надо.

Манков пристально посмотрел на него.

— Я сегодня, только светать стало, заправлял лодку. Смотрю, Дмитрюк едет, начальник милиции, верхом, и на седле что-то такое везет... Туман был понизу, лошади не видно, только голова иногда показывается, а у Дмитрюка перед грудью портрет — вот такой! — Манков не совсем еще пришел в себя от утреннего впечатления. — Да не один — три! Бросил их на песок, слез и — ко мне. «Полей, — говорит, — бензином». Я говорю: «Это приказ?» — «Приказ, — говорит, — что же еще». И потом много еще ворчал, все матом... Ну, и спалили.

Фадеич не сразу спросил:

— А чей портрет-то?

— Так я ж говорю! — Манков обозлился, ткнул в портрет. — Его! Чей...

Фадеич долго молчал, потом спросил:

— Дмитрюк — враг народа?

Манков поморщился — Фадеич раздражал его своим неумением думать.

— По радио было сообщение. Дмитрюк позвонил в краевое управление, там подтвердили: разоблачен, выведен из состава, судили... Все!

Манков выдрал портрет из журнала.

— Нет! — забеспокоился Фадеич. — Я не оповещен.

— Я тебя оповестил.

— Пока нет бумаги...

— Защищаешь? — тихо спросил Манков.

Некоторое время сидели молча, глядя друг на друга.

— А по инструкции, — спросил старик, — кто имеет право портреты уничтожать?

— А кто здесь есть, кроме нас двоих?

По улице к дебаркадеру неторопливо шел Зотов. Подошел к Саше.

— Александра, почему не заходишь?

— Чего я там не видела! — Она ощетинилась, как раздраженный ежик.

— Именно, что не видела. Сгущенку не видела. Так? Конфеты «лимонная долька». Так?

— Да нужны мне ваши конфеты! Прямо я тут вся... Она оборвала себя и отвернулась.

— Грубишь, — мягко сказал Зотов, покачал головой и шагнул в сторону дебаркадера.

На пути лежал Лузга.

— Уберись, — сказал Зотов.

Лузга не пошевелился. Зотов беззлобно пнул его. Лузга отполз немного. Зотов прошел мимо.

Закусив губу, Саша отвернулась от Лузги. Он снова взял камешек, бросил в ее сторону. Она дернула плечом:

— Ну и валяйся, как...

Он ногой подтолкнул к ней банку из-под тушенки, перевернулся на спину и вытянулся.

Она быстро глянула на него, фыркнула:

— Делать мне больше нечего!

— Мумия готова, — сказал Лузга, складывая на груди руки.

— Ну сколько можно, ей-богу! — воскликнула Саша, с

трудом сдерживая улыбку, потом взяла банку и принялась сыпать на Лузгу песок.

Зотов взошел на дебаркадер как раз в тот момент, когда из окна на палубу вылетел бумажный комок. Зотов нагнулся, взял его, приоткрыл и быстро сел на корточки, тревожно оглянувшись. Развернул на колене портрет, сложил, не разглаживая, и убрал во внутренний карман пиджака.

И тут увидел, что на него смотрит высунувшийся в окно Манков.

— Здравия желаю, — сказал Зотов, поднимаясь.

Манков молча кивнул и скрылся в окне.

Войдя в комнату, Зотов добродушно спросил Манкова:

— Враги народа долго будут на берегу валяться? Ступить негде.

Манков посмотрел в окно на Лузгу.

— Да он безвредный. Ему ссылки еще четыре года.

— Безвредный? Посмотрим... Но это я так... Привез?

Манков достал из саквояжа машинку для стрижки волос.

— Заграничная, — удивился Фадеич.

— Трофейная, — Зотов взял машинку, приладился к ней, подвигал ручки, пострекотал ими.

— Ну-ка, давай! — Манков решительно закатал рукав гимнастерки. — Стриги.

Зотов стал выстригать на волосатой ручище Манкова дорожку.

— Что ж, ты так и будешь с разными руками? — удивился Фадеич.

— А сейчас и ту пострижем! — Манкову стрижка понравилась. — Слушай, а давай спину мне пострижешь!

И он уже гимнастерку принялся расстегивать.

— Да вы что?! — возмутился Фадеич. — Что вы мне в каюте скотный двор устроили! Марш с рейда!

— А сколько единиц у тебя на рейде? — спросил Манков.

— Девять, считая твою. И ничего смешного.

Посмеиваясь привычной шутке, Зотов и Манков, прихвативший автомат, вышли из комнаты.

— Катер когда будет? — спросил Зотов.

— Уже грузится у заготконторы. Не сегодня-завтра пойдет.

— Это хорошо, — ощущение власти над милиционером, которое давал листок бумаги в кармане пиджака, пьянило Зотова, он смотрел на Манкова ласково, с большим намеком. — Ну, а как вообще-то твои дела?

— Ты мужик бдительный, Ваня, — сказал Манков. — И в кармане у тебя сильный факт. А ты знаешь, как эту бумажку использовать?

— Да уж... — улыбнулся Зотов.

— Вот и я знаю, как использовать, — Манков засмеялся, похлопал Зотова по пиджаку и пошел с пристани.

Зотов стоял задумчивый.

Из камбуза вышла Лида, увидела Зотова, и ее озабоченное лицо сделалось покорным.

— Вечером придешь, — тихо сказал Зотов и показал машинку. — Заодно и пострижешь меня.

Лида послушно наклонила голову.

Консервной банкой Саша сыпала на Лузгу песок и засыпала целиком, до шеи.

— Пристаешь — хорони его! — ворчала она, хотя ей хотелось смеяться. — Возись тут с ним, ишь, придумал!..

Лузга лежал, не шевелясь, прикрыв глаза. Ничего ему больше не нужно, пусть только девочка Саша сыплет на него прогретый солнцем песок, сыплет, сыплет...

Подошел Манков, поставил на песок саквояж, поправил автомат на плече, сказал Саше:

— Вроде тебя мать зовет.

— Ну и что, ну и иду, пожалуйста.

Лузга медленно вставал, песок пластами рушился с него. Когда Саша отошла, Манков сказал:

— Опять не работаешь?

— Перекур, гражданин начальник.

Песок насыпался под свитер, в штаны, Лузга весь кривился, подергивался.

— Тряпка, ей-богу! — поморщился Манков. — На фронте вроде был...

— Вроде?

Манкова взбесила его интонация.

— Что?! А ты не равняй себя, мы таких видали! Я от звонка до звонка оттрубил, а когда я Карпаты штурмовал, ты в плену немцам галифе лизал!

Лузга прямо посмотрел на Манкова. Тот отвернулся.

— Потом зайдете со стариком, распишетесь в месячной подписке.

— Слушаюсь, гражданин начальник, — бесцветно сказал Лузга.

Манков пошел к избам.

Солнце уходило за лес.

По таежной тропе к краю старой вырубки подошли шесть человек, измотанных долгим переходом. Остановились за деревьями, тихо стояли, прислушивались. Отсюда виден был дом фактории, остальные дома и пристань были скрыты крутизной идущего к реке склона.

— Ляжем до темноты, — сказал невысокий жилистый человек с забинтованной головой; его звали Крюк, и он был у них вроде бы главным.

В этот момент в доме открылась дверь, и все шестеро пригнулись, хотя до крыльца было далеко и вряд ли их можно было оттуда увидеть.

Зотов с миской в руке стал разбрасывать объедки разоравшимся курам.

Когда он ушел в дом, самый старый из шестерых, ушлый таежник Михалыч, сказал с уверенностью:

— Собаки нет.

— Чего тянуть?! — вскинулся Шуруп, нервный, дергаый, вечно на грани истерики. — До темноты я подохну!

— Заткнись, — процедил Крюк. — А что у реки? Если там взвод ждет? У нас на следу столько мокрухи, вполне могли солдат поднять.

— Но дом-то вот! — поддержал Шурупа благообразный человек Муха. — Как вошли, так и вышли.

Крюк думал. Посмотрел на пятого, Барона, одетого в милицейскую форму, но без фуражки. Барон пожал плечами.

— В темноте, не в темноте...

Шестой, белокурый, хорошенький паренек Витя, ничего не сказал, спокойно ждал, как решат другие.

Через некоторое время Зотов вышел из дома, прошел за поленницу помочиться. Застегивая ширинку, услышал за спиной движение, обернулся.

— Здравствуй, хозяин.

Шагах в трех стоял Муха, улыбался ласково. Зотов удивился новому лицу, но не встревожился, шагнул навстречу, и тут ему в спину уперся обрез.

— Будешь тихо — не убью, — прошептал Крюк. — Кто в доме?

Муха еще улыбался, глядя на них.

— Я... — не сразу сказал Зотов. — Один я...

— В деревне есть чужие?

— Нет.

— Веди в дом.

Когда, оставив Витю наблюдать за подходами, вошли в дом, Шуруп сгреб Зотова за рубашку и выдохнул в лицо:

— Жрать!!

Вечер был тихий, теплый и казался прозрачным от того, что в темнеющем воздухе над водой мелькали тысячи прозрачно-белых мотыльков. Вот уже больше часа танцевали они свой странный бесшумный танец, и все больше их падало на воду, и темная река несла эти легкие хлопья в наступающую темноту.

Саша сидела на обточенном водой бревне, Лузга лежал, облокотясь на песок, и доедал из миски холодную уху.

— Как в этом году поденок много, — сказала Саша, рассматривая на ладони мертвых мотыльков.

— Откуда они берутся?

— А они три года червячками жили, в воде... А сегод-

ня все сразу... Превратились в бабочек... На немного минут... И умрут все... Они даже не едят, им нечем.

— А чего ж делают?

— Ну... — Саша смутилась. — Обеспечивают потомство.

Лузга сказал с раздражением:

— Это в школе таким словам учат — «обеспечивают»? У них вечер любви! Вершина жизни. А вы в школе, небось, и слово-то это стыдитесь сказать — любовь!

— Ну почему, если в стихе... — краснея, сказала Саша.

Лузга проворчал что-то и стал лениво ловить пляшущих поденок. Засмеялся, поймав мотылька.

— Где любовь, там и смерть за углом!

Саша внимательно посмотрела на него, задумалась.

— А ты кем раньше был?

— Да когда раньше, Саша? — он махнул рукой.

Она не рассердилась, настаивать не стала. Он сел на корточки у края воды, вымыл миску, руки. Пригляделся, резко черпанул миской воду и выбросил на берег рыбешку, малька.

— Мама хочет, чтобы я после десятого в институт шла. Я же думала идти работать, ей тяжело одной, а она говорит: ничего... Так хочется в город поехать, может, даже в Москву, поступить в студенты... Не знаю...

Лузга принес миску с водой, в которой метался, серебряно взблескивая, малек.

— А на кого учиться?

— Хитренький! Не скажу!

Лузга держал миску в ладонях, оба склонились, разглядывая рыбешку.

На дебаркадере хлопнула дверь. Они обернулись, Лида вгляделась в сумерки, поставила на перила фонарь «летучая мышь», чтобы осветить лицо и пальцы, и стала нервно говорить по-своему.

— Нет! — сердито крикнула Саша.

Та опять что-то сказала, Саша сникла.

— Иду, чего ты...

Лузга зло выплеснул рыбешку далеко на песок и бросил миску перед Сашей.

— Знаю, что она говорит! Боится маманя, как бы ее девочку не того! — он сделал циничный жест.

— И нет! — Саша вскочила, чуть не плача, потому что он угадал. — И врешь ты все, врешь! И никем ты не был, никем!

Подхватив пустую миску, она быстро пошла прочь. Лузга некоторое время лежал неподвижно, потом приподнялся и плюнул далеким плевком.

У берега, в заводине, течение было возвратным, вода медленно вращала мертвых поденок, и все больше быстрых кругов от рыбы появлялось то тут, то там, и разносилось над водой сочное чмоканье.

Крюк и Михалыч рассматривали имевшееся у Зотова оружие: двустволку, охотничий карабин, коробки патронов. Зотов убирал со стола после ужина. Остальные лежали на полу на ворохе мехов. Шуруп спал.

— Для него патроны есть? — Крюк положил на стол пистолет «ТТ».

— Нет, — сказал Зотов.

— А для нагана?

— Да откуда? Это не промысловое оружие.

Крюк посмотрел на него, сказал жестко:

— Промысловое.

К столу подсел Барон, выразительно посмотрел на часы.

— Да, — кивнул Крюк и повернулся к Зотову. — Лодки на замках?

— Нет. Зачем?

— Значит, в деревне одна мелкашка и одна берданка? И все?

— Точно.

— Выходим через час, — сказал Крюк Барону. — До лодок пойдем краем леса, чтобы собаки не учуяли. Ну, а там...

Барон слегка повернул голову в сторону Зотова, Крюк твердо посмотрел на Барона.

Зотов в зеркале видел, как его приговорили. Он прошел на кухню, бестолково переставлял посуду и лихорадочно думал.

В дверь сунулся Витя.

— Идет кто-то!

Крюк вскочил, поманил Зотова, сказал спокойно:

— Встреть на крыльце, в дом не води. Витя, схоронись во дворе, если попытается знак подать—разом кончь обоих.

Когда Лида подошла к дому, Зотов стоял на крыльце.

— Иди домой. Так? — сказал он. — У меня живот болит, не хочу ничего.

Она что-то тревожно спросила.

— Ничего мне помогать не надо! — раздраженно сказал он.

Она постояла немного, повернулась и ушла в темноту. Зотов вернулся в дом. Все смотрели на него.

— Слушай сюда, — сказал он Крюку. — Немая приходила. Я ей мог на пальцах сказать, она бы кое-кого предупредила... Вопрос: зачем не сказал?

— Жить, небось, любишь, — Шуруп сплюнул.

— Завтра к вечеру, может, послезавтра придет катер. Везет деньги на пять факторий. На катере человек пять, ну шесть. Одно-два ружья, один «ТТ» — вот так, примерно.. Ну, куда вы на этих лодках уйдете?! А на катере мы и далеко и быстро уйдем. Можно — в город. Можно в такую тайгу, что...

Он умолк под их взглядами. Стало совсем тихо.

— «Мы»? — Барон взял двумя пальцами лацкан его пиджака: — Ты и твои вошки?
— Не, он чистый, — весело сказал Шуруп, — от него деколоном тянет.
Все пятеро так внимательно рассматривали Зотова, что ему стало совсем тошно.
— В деревне милиционер, — сказал он, отдавая последний козырь. — Вчера приехал, про катер сказал.
После некоторого молчания Муха ласково спросил:
— А почему раньше не упредил — о легавом?
— Ну... Теперь я с вами.
Барон и Крюк согласно посмотрели друг на друга.
— Катер — это хорошо, — сказал Крюк.

Копалыч подымался рано. Он жил во времянке у деда Якова. Наскоро помывшись у рукомойника, он достал очки и тщательно промыл стекла, а потом вытер их специальной тряпочкой и убрал в коробку.
Вышел на крыльцо дед Яков.
— Что, паря, опять стараться идешь? Как найдешь, шепни, где жила-то, а?
— На что тебе золото, дядя Яков?
— Да мне немного, шматок. Поехать хочу, сразу увидеть всю Россию и что с ней вместе — Киргизию там, Грузию... И непременно Курскую губернию, откуда мой род. Читал обильно, но видеть хочу, понять, как все это составляется вместе.
— Везде там я ездил, — сказал Копалыч, — и много где еще... А помирать легче не будет. Но ты прав — поезжай... Неужели не скопил на рыбе-то?
— Скопил, — дед усмехнулся, почесал затылок. — В один конец. Дак мне еще и вернуться желательно.
Копалыч махнул на него рукой и пошел за калитку, взяв стоявшую у забора лопату.

Лида полоскала белье в реке возле дебаркадера.
Витя из чердачного окна фактории хорошо видел в бинокль всю деревеньку и пристань. Рассмотрел без интереса и Лиду. Но тут в поле зрения бинокля вошла Саша. Высоко подоткнув юбку, она вошла в воду дальше матери, нагнулась, стала мыть лицо и шею. Бинокль застыл в Витиных руках.
— Кого видишь? — спросил его снизу, из люка Шуруп.
— Старуху,— медленно ответил он, и желваки его вспухли.
— Ты давай за ментом следи.
В комнате совещались.
— Легавого в избе не взять, — сказал Крюк, — посечет очередями.
— Да напрямки и пойти нельзя, — заметил Михалыч, — собаки забазлают.

— Послать его, — сказал Шуруп про Зотова, — пусть сюда приведет.

— Ну, нет! — усмехнулся Крюк. — Мне спокойней, когда хозяин на виду и потрогать можно.

— Тсс! — Муха, глянувший в окно, вскинул руку.

Во дворе, в трех шагах от калитки, стояла черноглазая старуха. Ждала, не желая тревожить хозяина, если он еще не встал.

— Что ей надо? — прошептал Крюк.

— Обещал керосина налить,— тихо ответил Зотов, у которого появилась некоторая надежда на другой исход дела.

Старуха терпеливо ждала. Зотов вышел на крыльцо, кивнул ей, прошел в сарай, прикрыл за собой дверь и — засуетился: выхватил из кармана огрызок химического карандаша, быстро огляделся, ища бумагу, вспомнил про портрет Берии, достал его, послюнил карандаш, крупно написал: «В доме банда. Шесть. С оружием». Зотов сложил бумажку в несколько раз, схватил бутылку с керосином, макнул дно в бочонок с дегтем и плотно прижал бумажку к дну бутылки.

Уже неторопливо вышел он из сарая, покосился на открытое окно. Из-за занавески Крюк следит, будет ловить каждое слово, жест, заподозрит — тут же выскочат, и старуху придушат, и...

— Зайди по дороге к Манкову, — раздельно и громко, как ему приказали, сказал Зотов. — Покажи ему, вот, керосин, мол, брала у меня. Так?

Он сверлил ее взглядом. Она кивнула, не понимая главной его заботы.

— Скажи ему: пусть придет, дело срочное для него есть.

— Ага, зайду, зайду! — она суетливо взяла бутылку. — Спасибо тебе, век не забуду.

Старуха вышла за калитку.

— Да не махай ты бутылкой, неси нормально! — процедил он.

— А! — Она повела плечом. — Не пролью.

Зотов вернулся в дом. Крюк пристально смотрел на него. Зотов взгляд выдержал.

— Может и не прийти, — сказал он. — Я ему не начальник.

— Не придет, значит плохо позвал, — сощурился Муха.

— Старуха к менту зашла, — доложил с чердака Витя.

В комнате стало тихо, только Шуруп вдруг засвистел «Мурку», но тут же смолк под взглядом Крюка.

Лузга проснулся на ветхом брезенте в предбаннике бани, стоявшей дальше остальных, у самого впадения ру-

чья в реку. Потянулся, стал на четвереньки и выполз на свет.

Река дымилась. Солнце еще не поднялось над тайгой.

Лузга выпрямился, сел на скамью и откинулся на стену бани, далеко вытянув ноги.

Манков, в галифе и майке, вышел из нежилой избы, которую занимал, наезжая в деревню, повозился с калиткой — она косо висела, петля отошла, и пошел к фактории. На полдороге взгляд его привлек какой-то пестрый комок на тропе. Он присел на корточки и развернул измазанный дегтем портрет. Хмыкнул Манков весело, не перевернул бумажку, не осмотрел, отбросил в сторону и выпрямился. Оглянись он сейчас, он бы увидел надпись! Но он не оглянулся. Пошел к фактории, насвистывая.

У них все было рассчитано. Но когда Манков, войдя, задержался у калитки и стал двигать ухоженной дверцей, сравнивая ее со своей, у Шурупа не выдержали нервы: распахнув дверь сарая, он выставил руку с обрезом двустволки и, не целясь, выпалил в сторону Манкова, который секундой раньше отпрыгнул в сторону. Все же одна картечина задела его. Манков прыгнул через забор и побежал. Из окна выстрелил из «ТТ» Крюк — и попал. Но Манков бежал, бежал по-открытому, напрямую, а выскочившие за ограду бандиты выцеливали его. Опять выстрелил Крюк, Манков упал, но тут же вскочил и с той же силой побежал дальше, к своей избе. Выпалил Шуруп с неизвестным результатом. Михалыч целился, оперев охотничий карабин на столбик забора. Барон стоял позади с ружьем в руках, и не стрелял. А Витя бежал стороной, но не успевал пересечь путь. Манков вломился в калитку, и тут выстрелил Михалыч. Манков согнулся, прошел к дому несколько шагов, остановился и упал назад. Витя перемахнул забор. Простреленное в нескольких местах тело Манкова еще дергалось, выгибалось. Прицелившись из нагана, Витя выстрелил в него раз, другой... Хотел и третий, но услышал крик Барона:

— Хватит, ты! Патроны береги, кретин!

Витя отрезвел, убрал наган, вошел в сени и тут же вышел с автоматом в руках.

За заборами, в окнах появлялись перепуганные старухи.

— Муха, бери Витю и этого, — Крюк показал на Зотова. — Загнать всех в дома, взять те два ствола, и чтоб никто не вылезал. Михалыч, погляди, что у них там с лодками. Шуруп, со мной на пристань.

Зотов сказал Крюку твердо:

— Бабу на пристани не троньте.

Крюк пожал плечом, взял у Вити автомат и быстро

пошел к пристани. Шуруп — за ним. Через некоторое время пошагал туда и Барон.

Лида прятала Сашу. Та ерепенилась, страх еще не дошел до нее.

— Да почему я?! А ты? Что я — маленькая? Что они мне сделают-то?

Мать рывком повернула ее к себе и сказала пальцами. Глаза Саши расширились.

Мать втолкнула ее в кладовку, где стояли ведра, швабра, ящик мыла. Приложила палец к губам и заперла дверь на висячий замок.

На палубу вышел Фадеич в фуражке, с рупором в руках. Вид его был грозен, он совершенно не понимал, что происходит.

Собаки бешено лаяли по деревне. Муха, изъявший в одном из домов малокалиберку, шел по улице и стрелял из нее собак. Негромкий хлесткий выстрел, и сразу вслед — визг и вой.

Витя толкнул калитку перед домом деда Якова.

— Дед с норовом, — сказал тихо Зотов, стоявший сзади.

От крыльца к ним молча метнулась большая собака. Витя спокойно взял прислоненные к забору вилы.

На короткий всхлипывающий стон собаки дед вышел на крыльцо с берданкой в руках.

— Немедленно прекратить стрельбу! — закричал в рупор Фадеич, когда раздался еще один выстрел.

К сходиям быстро шли Крюк и Шуруп.

— Сдать оружие! — приказал им Фадеич.

Вдали стегнул выстрел из мелкашки. Визг — и тишина. В деревне больше не было собак.

— Гляди, они послушались, — добродушно сказал Фадеичу Крюк, поднимаясь по сходиям. — Во! Все тихо, никто не стреляет.

Сбитый с толку его тоном Фадеич напыжился.

— Не сметь всходить на государственную пристань без раз...

Крюк на ходу вырвал у него рупор и сильно толкнул старика раструбом в лицо. Фадеич отлетел к стенке и сполз по ней на палубу. Он смотрел на бандитов без страха — с огромным удивлением.

— Отдыхай, дед, — сказал Шуруп, толчком ноги открывая какую-то дверь. — Полундра! Все наверх!

За дверью был склад угля и дров. Шуруп пошел дальше, пнул дверь кла́довки, но увидел замок.

Крюк заглянул в камбуз, увидел Лиду: бесформенное тело, лицо в саже.

— Как тебя?.. Сготовь обед на семь человек. Склад открыт?

Она отрицательно покачала головой. Крюк нашел Фадеича, тупо рассматривавшего помятый рупор, ощупал его карманы, достал связку ключей.

— Под расписку, — неуверенно сказал капитан рейда.

Крюк бросил ключи Лиде под ноги, сгреб пятерней китель на сухой спине капитана и повел старика в его комнату.

Зайдя за угол и оглядевшись, Лида нашла в связке ключ от кладовки, сняла его и бросила в воду. А свой достала из кармана передника и, подумав, засунула за наличник кухонного окна.

Михалыч осматривал лодки. Ударом приклада пробивал дно и переходил к следующей. Оставил неповрежденными только две.

Лузге с его позиции у бани видно было, как Лида прятала Сашу, как выбросила ключ, а другой схоронила. Он сидел неподвижно и думал. Представить, как дальше пойдут дела, не удавалось. Пока что надо было сделать одно. Он вынес из предбанника башмаки и переместился ближе к дебаркадеру. Здесь стоял на трех камнях котел с варом для смоления лодок. Лузга сунул в него башмаки и закидал кусками вара. Потом побрел в сторону изб и лег на землю на открытом месте, откуда были видны и улица и дебаркадер.

Витя и Муха, обойдя все избы и отстрелявшись, шли к пристани. Зотов вышагивал за ними на таком расстоянии, чтобы для них он был идущим с ними, а для деревенских, следивших из-за занавесок, — отдельным, подневольным. Мало ли как все обернется.

Подойдя к Лузге, Муха и Витя остановились над ним.

— Мертвяк? — предположил Муха.

Лузга открыл глаза и кивнул утвердительно.

— Задорный! — удивился Муха.

Подошел Зотов. Муха вопросительно посмотрел на него. Поморщившись, Зотов махнул рукой:

— Ссыльно-политический. Враг народа.

— А-а, — с пониманием протянул Муха. — Тогда лежи, сука, и чтоб никуда.

Муха и Зотов пошли к пристани, а Витя задержался, дал тем отойти и наклонился к Лузге.

— Дивчина где? — мягко спросил он.

— Какая? — испугался Лузга. — Маленькая, что ли? Соплячка?

— Не ма-аленькая! — Витя резко ударил лежавшего ногой.

Лузга привычно свернулся в комок, прикрывая голову и живот, Витя просунул ствол нагана между пальцами Лузги и уперся ему в лицо. Лузга убрал руки и заговорил тоном, похожим на блатной:

— Мне она нужна? Соплячка, в куклы играет... Где?.. Я знаю? Услышала пах-пах, слезла в погреб... Вон! В избах. Век свободы не видать!

Витя повернул.

Около полудня Копалыч возвращался домой. Подходя к избам, особенного не заметил, на тишину и безлюдье внимания не обратил, занятый своими мыслями. Не заметил и Муху, сидевшего с обрезом в тени забора у манковской избы. Копалыч шел без очков, а вблизи видел плохо, поэтому, войдя в калитку, споткнулся о труп собаки и выронил лопату. Нагнулся, увидел кровь, мертвый оскал и в изумлении огляделся. У крыльца лежал дед Яков. Борода торчала вверх. Копалыч подошел.

— Дед, ты что?..

Он достал и торопливо надел очки, нагнулся и увидел мертвые глаза за круглыми стеклами, на рубахе на груди пятно крови.

Копалыч медленно разогнулся. Только теперь он услышал странную тишину. Он осторожно огляделся. Никого. В дом идти страшно. Он снял бесценные очки, упрятал в коробочку и убрал в надежный карман.

Естественным было пойти к Манкову. Поминутно озираясь, он пересек улицу, пошел вдоль заборов и наткнулся на Муху. Несколько секунд он рассматривал этого человека, примечательного только обрезом.

— Здравствуйте, — сказал Копалыч.

Муха молча смотрел на него.

— А что случилось? — тихо спросил Копалыч.

— А ничего.

— А где милиционер? Манков?

Муха показал за забор:

— Вон торчит... нога... Ты вот чего: тут — можешь, а за деревню не ходи. Стрелять буду без объявления, — он показал на лежавшего вдали Лузгу. — Иди к тому, в концентрацию. Мне видней будет.

Копалыч постоял, не зная, что спросить, и побрел к Лузге.

— Кто они? — спросил он Лузгу.

Лузга не ответил — следил за Мухой, который быстро пошел на перехват черноглазой старухи, направившейся к мостику через ручей.

Старуха на его окрик: «Цурюк!» остановилась, стала доказывать, что надо ей в сарай, за рыбой. А Муха показал: «Назад!» Она не послушалась, он ударил ее прикладом. Она упала. Встала с трудом,

— Что он делает?! — возмутился Копалыч. — Нет, что он делает?

— Сядь, — грубо сказал Лузга. — И заткнись.

В комнате Фадеича тесно сидели Крюк, Барон, Шуруп, Михалыч и Витя. Зотов незаметно и тихо сидел в углу на корточках. Фадеич стоял у окна. Крюк и Барон рассматривали речную карту, лоцию.

— Нет вам отсюда другой дороги, — как бы даже жалея их, сказал Фадеич.— Суд да тюрьма.

— Почему нет? Есть, — спокойно сказал Крюк.

— Потому. Вы вошли в конфликт с властью.

— Власть нам амнистию дала, — сказал Крюк. — Нам все списали. И еще спишут.

Тут они переглянулись с Бароном,— Крюк хватил лишку: надежды, что спишут, не было.

— Что твоя власть может? — сказал Барон. — Ну убить меня. Так и я могу убить — тебя. И любого. Твоя власть что тебе дала? Гроши. А горб гни всю жизнь. Я не работаю, а беру сколько надо и еще вдвое. И живу красиво, — и тут Барон, говоривший все время спокойно, вдруг заорал: — Я красиво живу! А по тебе ходят, ты подошвы лижешь.

Фадеич молчал, отшатнувшись. Они снова занялись картой.

— Я исполняю долг, — сказал Фадеич.

— Да заткнешься ты вконец, козел вонючий?! — завизжал Шуруп. — Я его разорву, падлу! Дай его мне!

Крюк строго посмотрел на него, и Шуруп смолк. Витя встал.

— Всем здесь быть, когда гости подвалят, — сказал Крюк.

— Услышу, — сказал Витя.

Он вышел, прошел на камбуз, где стряпала Лида.

— Дивчина где? — ласково спросил он.

Она замычала в ответ. Он жестко сдавил пальцами ее лицо.

— Молодая где?

Она показала вверх по реке, изобразила, как гребут веслами. Он не поверил. Слова Лузги о погребе больше походили на правду, и он пошел к избам — искать.

— Ненавижу блатарей, — говорил Копалыч, лежа рядом с Лузгой. — Жестокие, подлые... У больного пайку отнимут, ударят калеку... Предадут любого — своего, чужого... Им ребенка убить...

— У кого рыба, тот и прав, — сказал Лузга, следя за Витей, входившим в избу.

Копалыч замолчал. На него навалилась такая тоска, что неудержимо потянуло на откровенность.

— Я ведь не золото ищу. Я археолог. Есть такая наука об ископаемых людях, культурах... Здесь должны быть стоянки первобытного человека, я еще до войны предполагал. В тридцать девятом мою статью перепечатал английский журнал, «Нэйчур», н через месяц меня взяли... Как шпиона... А сын был на истфаке, новейшая история, для него мой арест — крах всего. В Бутырке повезло: переправил домой записку, ну, чтобы отреклись н не писали мне. Не имел права их с собой тянуть..,

— И не пишут, — скривился Лузга.

Копалыч опустил голову. Замолчали.

— «Пещерные люди», «троглодиты»... — вдруг громко сказал он. — А в неолнте не было у́рок! И палачей не было!

— Не ори. Пришьют.

— Тебя-то не тронули, — едко сказал Копалыч.

— Мне плевать — живу, не живу. А нм интересно, когда страха много перед иимн.

Витя вышел нз очередной избы, недобро глянул в сторону Лузги.

— Интеллигента когда-то называли носителем культуры, — сказал Копалыч. — В другой жизни... Сейчас просто бьют по лицу, н падаешь на колени!

— Если упал — какая культура? — покосился Лузга. — Однн поджилки.

— Да! А когда-то назывался интеллигентом.

— Столько карманов у ннтеллнгента не бывает, — зло пошутил Лузга.

Витя подошел к Мухе, нздали посмотрел на ссыльных.

— Расскажн, что делал с партнзанами.

— Да бросьте мне шить! — дернулся Муха. — Не был я в полицаях, за мокрое сидел!

— Ага... А что делал с партизанамн? Научи.

Муха в ярости вскинул обрез. Витя отвернулся н пошел к Лузге и Копалычу.

Копалыч при его приближенни поднялся на ногн. Лузга приподнялся и сел на корточки, глядя на Витнны ногн.

— В куклы нграет?

Внтя резко ударил ногой, ио Лузга успел подпрыгнуть и встретить ботинок кистями рук. Лузга отлетел на метр, но удар получнлся мягкий. Витя быстро шагнул, снова ударил, н Лузга, не успевший приготовиться, со стоном повалился на спину. Удар косо пришелся в голову.

Витя пошел на пристань. Копалыч нагнулся над Лузгой.

— Сильно?.. Он ушел.

Держась за голову, Лузга медленно сел, Посндел, морщась, огляделся, нашарил возле себя сосновую чурочку н протянул Копалычу.

— Отойди на пять шагов и кинь вон туда, не высоко, вот так, — он показал высоту над землей.

Изумленный Копалыч безропотно отсчитал пять шагов. Лузга поднялся на корточки, собрался.

— Кидай.

Чурка полетела. Ноги Лузги слабо бросили его вбок, до чурки он не дотянулся. Сел, уронил голову, брезгливо глядя на вытянутые ноги.

— Дай ложку.

Копалыч достал заточенную ложку, дал. Лузга двумя короткими ударами проколол оба своих бедра. Вскочил на корточки, скомандовал:

— Подними чурку!.. Пять шагов... Вон туда — кинь!

Копалыч кинул. Устрашенные мышцы послушались — Лузга стремительно выпрямился, косо взлетел в воздух и коснулся чурки рукой, сбил ее в полете. Встал. На штанинах были пятна крови.

— Кровь, Лузга, — удивленно сказал Копалыч.

— Меня зовут Сергей. Запомни на всякий случай: Сергей Петрович Басаргин.

— Очень приятно, — пробубнил Копалыч. — Николай Павлович. Старобогатов. А адрес у тебя есть?

— Теперь нет. Родители умерли в блокаду. Все.

— Ты ленинградец? — изумился Копалыч.

Басаргин смотрел на пристань. Там, возле двери кладовки, стоял Витя.

Дверь была в щелях. Витя приник к одной, всматриваясь. Но здесь была теневая сторона пристани, солнце в кладовку не попадало.

Река с тихим урчанием терлась о корпус дебаркадера. Из комнаты Фадеича неясно доходили голоса, да изредка звякала посуда на камбузе. Среди всех этих легких звуков показался Вите за дверью шорох. Прижав лицо к двери, он сильно втянул носом воздух кладовой. Ухмыляясь, нежно почмокал губами, касаясь ими щели. Потрогал замок. Достал наган, всунул ствол в дужку замка. Но тот был слишком массивен — можно погнуть ствол.

В комнате Фадеича играли в карты. Фадеич скорбно торчал у окна, морщась от междометий и сорных слов. Барон лежал в сапогах на кровати и с интересом листал «Огонек». Зотов пробрался к окну, сказал Фадеичу негромко, но не таясь от бандитов:

— На хрен ты нарываешься? Делай, как велят. Останемся живы.

— Будто ты не с ними.

— Я такой же пленный! Из-за чего жизнь терять?

Крюк переглянулся с Шурупом, усмехнулся:

— Во крутится, змей!

Раздался близкий пароходный гудок.

Барон быстро сел. Крюк вскочил, схватил автомат, бросил Барону свой пистолет.

— Катер?! — Крюк смотрел иа Зотова.

Побелев, тот вжал голову в плечи и попятился.

Все вышли наружу. Река была пуста, но вверху, за поворотом, нарастал шум идущего судна.

Фадеича с рупором поставили у окна служебной комнаты, в которой примостился Михалыч с карабином. Оттуда он держал под прицелом и старика и Лиду, ставшую у причальной кнехты. Бандиты скрылись на другой стороне дебаркадера, где уже был Витя, забывший про кладовку. Зотова оставили в проходе, возле окошечка кассы — как бы встречать.

Из-за поворота показался большой черный пароход. Судовой ход был тут близок к берегу, пароход, казалось, шел прямо на дебаркадер, нависал над ним чериым бортом, на котором было написано «Бабушкин». Это было грузо-пассажирское судно, идущее с полной загрузкой. На верхней палубе сидели на вещах и лежали человек пятьдесят пассажиров.

На пристани Шуруп завертелся, заверещал сипло:

— Когти рвать! Когти рвать!

Концерт оборвался. Густой голос, прокашлявшись, загремел на всю реку:

— Капитану рейда Фадеичеву — речной привет!

Фадеич стоял истуканом. Михалыч зашипел из окиа:

— Не молчи, гад!

— Здравствуй, Петя,— негромко сказал Фадеич.

— Как жизнь, Фадеич? — прогремел пароход.— Чем лечишь радикулит?

Михалыч за заиавеской клацнул затвором. Фадеич поднял рупор, покашлял в иего и деревянным голосом доложил:

— Имею иа рейде девять единиц маломерного флота. Штиль.

В репродукторе послышался смех.

Пароход ие собирался приставать, он шел мимо. По рации включили «Последние известия».

Тогда Лида, скособочившись, чтобы Михалыч из окна не увидел ее лицо и руки, стала быстро что-то говорить людям на пароходе. Проплывали мимо разные лица, иекоторые прямо смотрели иа нее, ио выражение их не меиялось — они не понимали ее языка. Лицо Лиды исказилось, пальцы мелькали... Нет, не понимают! В отчаянии она пятерней схватила свое лицо, сжала его.

Черный пароход уходил вииз по реке, и долго еще слышались сообщеиия о жизни страиы.

Все это время Басаргин и Копалыч лежали ничком, как велел им Муха, прибежавший сюда и залегший с обрезом позади них.

Теперь он поднялся, пробормотал озадаченно:

— Почему ушел-то? Али то не катер был?..

Он пошел назад, на свой пост. Копалыч прошептал:

— Ты видел? Они хотели напасть на пароход!

— Другого ждут,— угрюмо сказал Басаргин.

— Я все думаю: если это беглые...

— Да какие беглые! Амнистированные. Свободные граждане, мать их...

У кладовки дебаркадера опять появился Витя, настроенный решительно. Басаргин, пользуясь тем, что уходящий Муха не видит его, перебежал к котлу с варом и стал тщательно обуваться. Ложка Копалыча была при нем.

Витя, звериным чутьем дознав за дверью Сашино тепло, прижал к щели щеку, гладил ладонями доски и тихо поскуливал. Оторвался от двери и пошел искать, чем открыть.

На пожарном щите на другой стороне дебаркадера он увидел топор. Поигрывая приятной вещью, пошел назад.

Дверь кладовки была открыта. Удивленный, он сунулся туда. Лида двигала ящик с мылом.

— Где маленькая?!

Она показала рукой, как гребут. Пнув ее, он кинулся искать на пристани.

А Саша в это время бежала по мелкой воде вдоль берега, прикрываясь прибрежной травой и кустами. Берег повышался, начинался лес, надо было выходить на берег. Цепляясь за кусты, она выкарабкалась, встала и оглянулась...

В этот момент и увидел ее с пристани Витя. В три прыжка он был на берегу и бросился к лесу.

Лида заметалась на пристани, схватила топор и побежала на берег. Муха на своем посту встал, обеспокоенный. Тогда Басаргин метнулся наперерез Лиде и остановил ее.

— Брось топор! Я сам.

Она сказала что-то, он отнял топор, бросил его подальше и помахал Мухе. Тот успокоился, сел. Лида тяжко замычала и опустилась на колени.

Басаргин шепотом приказал Копалычу:

— Сейчас бегом в лес! Там прячься, пока они тут. Ну! Раз, два... Пошел!

Молча бросились они к лесу. Басаргин вырвался вперед и не оглядывался — не Копалыч его заботил. Муха побежал было за ними, вскинул обрез, но их уже плохо было видно среди деревьев, и он не стал стрелять, а быстро пошел к пристани — доложить.

Витя бежал через сквозной светлый бор. На небольшой поляне он догнал девочку. Она обернулась с вызовом, тяжело дыша.

— Только подойди!

Искаженное погоней Витино лицо менялось, появилась его туповатая улыбка. И это успокоило Сашу.

— Чего ты бежишь-то?! Чего?!

— Ага, бегаем,— сказал он.

И сел рядом с ней на землю. Она удивленно смотрела на него. Никаким злом не веяло от хорошенького паренька.

— Разбегались тут,— проворчала Саша, все же несколько отступая от него.

Коротким движением ноги он подсек ее ноги. Саша упала, и он навалился на нее. Она закричала. Ужас ее был тем сильней, что она только что поверила ему. Это был ужас, вызванный предательством, и он дал ей силы. Она сопротивлялась бешено, рвала пальцами его надвинувшееся лицо, и тогда он схватил ее за горло. В этот момент он близко увидел ноги подбегавшего Басаргина.

С зажатой в руке ложкой Басаргин длинным прыжком накрыл борющихся, и Витя коротко вскрикнул. Басаргин вскочил и рывком отвалил в сторону Витино тело.

— Ничего! Ничего... Сашенька, ничего...— говорил он, склоняясь над ней, стараясь быстрей ослабить, стереть ужас, не дать ему покалечить ее.

А она смотрела на него так же, как на Витю, ничего еще не поняв и не делая различия между ними.

— Все уже! Больше ничего страшного не будет. Быстрей пойдем отсюда! Вставай!

Она поднялась. Ее била дрожь. Он взял ее за руку и быстро повел дальше в лес. Неожиданно он остановился.

— Подожди здесь. Я сейчас.

Он вернулся на поляну, достал из кармана убитого наган, заметил лежавшую на мху ложку и ее взял тоже.

Пятеро стояли возле пристани.

— Упускать нельзя,— сказал Крюк.— Михалыч, бегом разыщи ублюдка этого, Витьку, найдите тех двоих, добейте. И все быстро, быстро! Того гляди катер будет!

Михалыч трусцой побежал в лес.

— Помоги ему,— сказал Барон Мухе.

Тот вопросительно посмотрел на Крюка.

— Распыляемся,— недовольно сказал Крюк.

— Мма-ть моя была женщина...— пропел Шуруп.— Дисциплинка, как в колхозе.

Вход в пещеру был низкий, скорей лаз, да еще заросший можжевеловыми кустами — укрытие надежное.

Саша вдруг заплакала.

— Ну, ну... Все позади.

— Они маму убьют. Бить будут, чтоб сказала...

— Да у них свои дела́, не тронут,— уверен он не был.

— Они убьют ее, убьют... Я назад пойду.

— Никуда не пойдешь! — резко сказал он.

Саша отошла от него, стала на колени и продолжала тихо плакать. Басаргин угрюмо смотрел на реку. После долгого раздумья обреченно сказал:

— Цепь — одно за другим... Я же знал.

Она с надеждой повернула к нему мокрое лицо.

— Лузга, родненький, сделай что-нибудь!

— Меня зовут Сергей! Поняла? — заорал он.

Он удивился. Так бы и ушел он прятаться в лесу, если б остался Лузгой. Но давно забытое имя неожиданно сильно зазвучало в нем.

Идя к деревне, он проверил барабан нагана — там было всего два патрона. Он выругался.

К поляне возвращался осторожно, все еще не решив, какая цель у него. Посмотреть, что и как? Выкрасть Лиду? Но если туда сунешься, навалится вся стая.

На поляне было движение. Он упал бесшумно, выглянул.

Над телом Вити склонился Михалыч. Вот он на корточках стал искать следы. Нашел и зашагал по следу. Прямо на Басаргина.

Готовясь остановить его и заставить бросить карабин, Басаргин подобрался, но Михалыч вдруг замер, всматриваясь в сторону треснувшей ветки. Посмотрел туда и Басаргин.

Через бор, часто останавливаясь и оглядываясь, брел Копалыч.

Михалыч вскинул карабин и прицелился. Но Басаргин успел выстрелить раньше. Михалыч повалился.

Услышав выстрел и никого не видя, Копалыч обреченно застыл на месте. Но когда увидел идущего к нему Басаргина с карабином в руке, сказал возмущенно:

— Да что это опять за стрельбу устроили?!

— Сейчас и ты будешь стрелять! — зло сказал Басаргин.

Копалыч покачал головой.

Басаргин шел к деревне. Копалыч шагал за ним, не зная, зачем. Лес здесь был темный, с густым подседом, тропа петляла. Из кустов сказали:

— Стой! Брось винтарь!

Помедлив, Басаргин бросил карабин и чуть повернулся, прикрывая от кустов наган, засунутый за пояс. Из-за кустов вышагнул Муха с обрезом, направленным Басаргину в грудь.

Не размышляя, по наитию, Басаргин отчеканил по-немецки:

— Как стоишь, полицейская морда!? Два шага назад! Приказ!

Муха растерялся: лицо мучительио иапряглось воспомннанием, взгляд поплыл — и ствол обреза повело в стороиу. Этого было достаточно: Басаргии в падеиии выхватил иагаи и выстрелил.

— Не умею и ие буду,— твердо сказал Копалыч, отдергивая руки, когда Басаргин протяиул ему обрез. — Я не стану убивать. Поиимаете — это иельзя...

— Не будешь?! Пусть перебьют деревию? Изнасилуют девчоику?! Смеият иам ссылку иа вышку?! Им можно? «Око за око» — так учила война.

— Там были изверги.

— А эти?!

Замолчали. Копалыч хмуро думал. Они подошли к краю леса и залегли за стволом поваленной елн. Отсюда был видеи дебаркадер. На палубе стоял Барои. Остальиых видио ие было. Солице склоиялось к реке.

Басаргии подвинул Копалычу обрез.

— Нажмешь вот это... Можешь ие целиться...— Он яростио прошептал: — Ты же должен мие помочь!

Копалыч прнням обрез. Басаргии как-то засуетился, успокоился.

— Я тоже, зиаешь, не иа стрелка учился. В сорок первом, с третьего курса, взяли в разведшколу... И, зиаешь, быстро... Когда припрет, быстро этому учишься... Разведротой комаидовал в сорок третьем.

— А как сюда?

— В сорок четвертом в разведке коитузило, очнулся у иемцев. В лагере сколотил группу, бежали. С боем. Опять раиило. Решили выходить по одиому...

Лузга умолк — иа палубу вышел Крюк, заговорил с Бароиом. Тот посмотрел на часы, потом оба повериулись к лесу. Ждали.

— Ну? — сказал Копалыч.

— Ну, вышел один, без свидетелей и документов — прямо в трибунал. Ничему ие верят. Хотели в штрафбат, так я раиеи... Дали шесть лет лагерей. Но я ж себя все еще офицером понимаю, коммунистом. В лагере я — про коиституцию. Дали еще четыре года. Я — протест. На это карцер, а потом суиули к уркам...

— Били,— кивиул Копалыч.

— Каждый день, месяца два, счет я потерял... Тут я и кончился, одиа ииточка осталась — выжить.

Лузга замолчал, глядя иа дебаркадер. Там появились Шуруп и Зотов. Зотов иервио заспорил с Крюком, видио, его хотели послать в лес вместе с Шурупом.

— Если они пойдут в лес...— сказал Басаргии.— А оин пойдут — выясиять, и все вместе, теперь им иельзя иид-

че... Когда выйдут на линию вон того серого камня... Видишь?

— Да.

— Выстрелишь в их сторону — и лежи, ни в коем случае не выглядывай.

Крюк и Шуруп пошли к лесу. Барон двинулся позади них. Зотов остался на пристани.

— Дойдут до камня — стреляй! — прошептал Басаргин и бросился назад, к лощине.

Скрытый ею, он перебежал к берегу реки, пробежал вперед и выполз к тропе. Здесь он окажется за спиной бандитов, когда они повернутся на выстрел Копалыча.

Копалыч очень волновался. Он заранее положил обрез на ствол дерева, навел приблизительно в сторону идущих, но все никак не мог лечь удобней, торкался плечом в дерево, опускал и поднимал голову.

Крюк и Шуруп дошли до камня. Копалыч, судорожно вздохнув, нажал спуск. От выстрела словно поскользнулся шедший много дальше и в стороне Барон. Его падение настолько поразило Копалыча, что он вскочил, сжимая обрез и всматриваясь в то место.

Крюк плеснул в Копалыча короткую автоматную очередь. Крюка в этот момент скрывал от Басаргина ствол дерева — и Басаргин опоздал, ему пришлось сместиться. Когда он выстрелил, Крюк упал.

Шуруп, пригнувшись, побежал в лес. Басаргин выстрелил, не попал, вскочил и побежал за Шурупом. Тот обернулся на бегу, просунул обрез под левую руку и выстрелил назад. Картечь посекла ветки рядом с Басаргиным. Тот остановился, вскинул карабин. Шуруп снова обернулся, чтобы выстрелить. Басаргин опередил его.

Копалыч лежал на боку и скреб рукой по жухлой хвое, устилавшей землю,— хотел повернуться, лечь удобней, но тело не выполняло.

Басаргин, стоя на коленях, подхватил его за плечи, потянул, повернул на спину.

— Лузга,— прошептал Копалыч, на его губах пузырилась кровь.— Сделай...

Басаргин увидел пятна крови на груди и животе.

— Карман... маленький... под рукой.

Басаргин нашел кармашек пониже подмышки, расстегнул, вынул ветхий листок с записью.

— Там адрес моих...

Он смолк.

— Говори, что сделать?

— Найди. Скажи — оклеветан.

Копалыч умолк, лицо застыло, но кровь на губах еще пузырилась. Басаргин не знал, куда убрать бумажку. Он достал из другого Копалычева кармана коробку с очками

и положил бумажку в нее. Сунул коробку в карман своих штанов.

Слева начинало болеть. Он потрогал бок — кровь.

Басаргин поднялся с колен, посмотрел сверху на Копалыча. Тот был еще жив. Басаргин стоял и смотрел.

Подошла Лида, стала напротив. Басаргин сказал:

— Жива, жива твоя Саша, в порядке.

Барон тогда упал от удара по ноге — пуля попала в мякоть, ни кость, ни артерия задеты не были. Пока он в этом разбирался, стрельба закончилась, и он, до выяснения обстановки, пополз к берегу, благо тот был близко, спустился с низкого обрывчика на песок и залез в нишу под нависшим дерном, пронизанным корнями прибрежного тальника.

Старобогатов умер. Басаргин закрыл ему глаза.

От пристани нерешительно приближались Фадеич и Зотов. Начали выходить из изб старухи и старики.

Солнце садилось.

Возле служебной комнаты, где у Фадеича стоял сейф, было сложено оружие: автомат, карабин, ружье, два обреза и наган. Фадеич и Зотов переносили все это в комнату. Что влезло в сейф, было Фадеичем заперто там. Остальное он сложил в сундук со старыми флажками речной сигнализации и запер. Потом с государственным видом запер дверь комнаты.

Два старика дожидались окончания этой операции.

— Насчет покойников,— сказал маленький старик.

— Якова похороним на кладбище...— стал рассуждать Фадеич.— Манкова надо в город везти, по месту жительства и для решения начальства.

— А этих?

— Как следствие решит.

— Что ж, так и лежать им? Ночь, собак перевели — кто хошь из тайги придет, росомаха, лиса, потратят покойников-то.

— Надо всех положить в ледник,— сказал Зотов.

— Дак там рыба.

— Выкинуть! Рыба...

— А это дело,— оживился Фадеич.— И запирается.

— Сколько гробов ладить? — спросил маленький.

— Один,— сказал Фадеич.— Для Якова. А пока светло еще, идите соберите всех: в лесу трое, да тут... Лошадь с волокушей. И ты иди,— добавил он Зотову.

— Я?! Да я весь день на мушке у них жил, а теперь мне их же и таскать? Да если б не я...

Дверь Фаденчевой комиаты распахнулась, на пороге стал Басаргин. Он был без свнтера, Лнда бннтовала его торс, н когда он вскочнл, бинт поволочнлся за ним.

— Ты?! — Басаргни прнстально смотрел на Зотова.— Ты у м е н я на мушке был!

— Озверел совсем! — Зотов попятился.— Еслн б я их ие сдержал, онн бы всех перебилн.

— Ты мне сегодня не попадайся,— очень тнхо сказал Басаргнн.

Испуганный Зотов пошел к сходням, крнкнув:

— Ничего я таскать не буду!

— Фаденч,— позвал Басаргни н вернулся в комнату. Здесь Саша заварнвала чай. Он сел. Лида стала его добинтовывать.

— Все не привыкну тебя иазывать Сергеем,— Саша хотела что-то спроснть у него н не решалась.

— Зови Лузгой, тебе можно.

Вошел Фадеич.

— Копалыча надо похороннть здесь,— сказал Басаргнн.— Мне надо знать, где его могила.

— Не могу. Как определенного на поселенне... Надо предъявить властн.

— Ты прнстанью командуй, людям ты не начальиик. Копалыча похороннм здесь.

— Как капитаи рейда...— иачал Фаденч.

Лузга взял со стола ту самую ложку и с такой силой воткнул в столешницу, что труба на самоваре покоснлась.

Фаденч прнтих. Саша с отвращением посмотрела иа ложку, подняла с пола свнтер.

— Пойду постираю.

Она вышла. Лнда кончила бннтовать Басаргнна, склоннлась и поцеловала его плечо. Ои опустнл голову.

Фаденч и Басаргнн пнли чай. Басаргин сндел иа том месте, где вчера пил чай Манков.

— Сильно тебя? — спроснл Фадеич.

— Скользнуло по ребрам.

Помолчав, Фадеич стесненно сказал:

— Лузга... э-э, то есть, Сергей Петровнч, вот спросят тебя — там! — как все было, а ты возьмн и скажн: мол, я, ну — Сергей Петровнч, мол, выполиял указаиия капитаиа рейда. А?

Басаргин спроснл его, думая о своем:

— Говорили, у тебя есть белая сорочка, крахмальная.

Фадеич уднвился ходу его мыслн, но полез в сундук и нзвлек белую сорочку и постукнвающий пристежной воротннчок.

— Я надену,— сказал Басаргин.

— Берн, конечио,— Фадеич решил, что поиял.— А там, значит, так и скажешь: мол, приказ был...

Басаргин надел сорочку, пристегнул воротничок перед зеркальцем, вгляделся. Двенадцать лет не надевал он ничего подобного!

Вошел маленький дед с небольшим осетром.

— Бери рыбу, Фадеич, с ледника сняли, ночь теплая, надо есть ее.

— Всех снесли? — строго спросил Фадеич.

— Ага. Семерых. Весь ледник заняли. Манкова втроем еле подняли. Как каменный. Ох, мужик был!.. А Якова положили в доме. Старухи там по-своему: свечки... все...

— А Копалыча? — спросил Басаргин.

— Дак со всеми, на лед.

— Тогда почему семь?! Тех шестеро, Манков и Копалыч — должно быть восемь.

— Дак семеро там — собрали-то всех.

— Где оружие? — Басаргин быстро огляделся.— Там был «ТТ».

— Оружие нельзя,— твердо сказал Фадеич.

— Дай ключи!

— Оружие, можно сказать, опечатано, по закону...

— Дай! — Басаргин надвинулся на него.— Ты что, не понял, что один где-то здесь?

Фадеич испуганно завертел головой.

И тут до них донесся короткий, захлебнувшийся вопль, а сразу вслед протопали по палубе тяжелые шаги Лиды.

Басаргин вырвал из столешницы ложку, выбежал и бросился с пристани на берег.

Темнота была еще не полной, да и освещенные окна дебаркадера добавляли света. Басаргин быстро догнал Лиду. Далеко бежать было не надо.

Саша лежала на песке у самой воды. Голова ее была накрыта мокрым свитером. Лида упала на колени, открыла лицо дочери, приникла к нему и, дернувшись назад, застонала.

Склонившийся над ними Басаргин услышал скрипящий шорох сдвигаемой по песку лодки и, вглядевшись, увидел контур манковской моторки, а над ним — сгорбленную фигуру. Басаргин побежал.

Барон не успел поставить лодку на воду.

Белая рубашка бегущего Басаргина была хорошо видна в сумерках. Барон присел за лодкой и выцеливал бегущего, положив «ТТ» на борт. Басаргин приближался. Барон выстрелил и не попал. И тогда Басаргин пошел на него короткими бросками.

Вправо, влево, вперед! Влево, вперед, вправо...

Барон выстрелил. Еще...

Белая сорочка бесшумно порхала в сумерках, как огромная ночная бабочка. А над рекой все тянулся воющий стон Лиды.

Барон увидел, что в руках у Басаргина нет ничего существенного, встал и тщательно прицелился, держа пистолет двумя руками.

Вправо — влево — выстрел!

Вперед — влево...

Барон испугался, заторопился: выстрел, выстрел!

Один патрон остался. Но он не успел его использовать.

Огромная бабочка взмыла в сумеречном воздухе и накрыла Барона.

Лида сидела на песке молча и гладила голову мертвой.

Басаргин подошел, постоял, отвернулся. Белая сорочка была в крови и грязи, он сорвал ее с себя и бросил в воду.

Потом он сидел один у большого костра и смотрел на огонь. На косо воткнутую палку был насажен осетр. Жар костра стягивал рыбе кожу, и плавники зашевелились.

Долго сидел Басаргин, не замечая, что рыба обуглилась.

На следующий день хоронили троих.

Кладбище — могил двадцать — было в разреженном высокоствольном сосняке.

Похоронили деда Якова.

Потом Копалыча.

Потом хоронили Сашу. Бросили в могилу по три горсти земли. Засыпали. Оббили лопатами ровный холмик. Басаргин принес пригоршню песку и медленно высыпал на могилу.

Лида не плакала. Стала возле могилы на колени и застыла, глядя вниз.

Пошли назад. Отойдя немного, Басаргин оглянулся.

Стоя на коленях, Лида говорила вниз, земле, пальцами и лицом.

В коридор большой московской коммунальной квартиры доносилась из дальней комнаты знойная песня Лолиты Торрес из фильма «Возраст любви». Вот звук исказился — кончался завод патефона. Послышался смех, стали заводить на ходу.

Раздались три звонка. Из ближней двери вышел человек лет сорока в очень сильных очках, с забинтованным горлом. Открыл.

На пороге стоял Басаргин. В старом ватнике, с вещевым мешком на плече. Гладко выбритый.

— Мне нужны Старобогатовы,— сказал он, внимательно оглядывая открывшего.

— Ммм... По какому вопросу?

— По самому важному,— сказал Басаргин и шагнул в квартиру.

Не дождавшись внятного приглашения, он сам вошел в комнату. Из нее дверь вела в смежную, более освещенную. В этой же комнате центром был письменный стол с ярким кругом света от лампы, заваленный стопками книг, исписанными листами, из-под которых еле видна была машинка «Москва», вокруг стола был полумрак.

— Новейшая история,— едко сказал Басаргин.

Из смежной комнаты вышла женщина лет шестидесяти. Замерла, глядя на Басаргина. Из-за ее спины мальчик лет тринадцати с интересом посмотрел на гостя.

— Вы жена Николая Павловича? — спросил ее Басаргин.

— Нет! — быстро сказал мужчина.

Басаргин медленно повернулся к нему.

— А вы — сын?

Тот дернул головой, уводя взгляд, как бы просто не желая вести разговор, быстро прошел вперед, увел мальчика в другую комнату и закрыл за собой дверь.

— Вы привезли письмо? — бесцветно спросила женщина.

— Нет, — Басаргин достал самодельный Копалычев очешник и положил на стул, почему-то отодвинутый на середину комнаты.— Вот — это все.

— Мама, ничего не брать! — в приоткрывшуюся дверь сказал сын.

— Там написано, как найти могилу,— терпеливо сказал женщине Басаргин.— Три года назад Николай Павлович погиб в бою. Он реабилитирован посмертно.

Она стояла неподвижно. Сын вышел, остановился у притолоки. Они смотрели на него.

— «В бою»,— тихо сказала женщина.— Это возможно?

— С оружием в руках. Против мрази. Спасая людей,— твердо сказал Басаргин.

— Спас? — хрипло спросил сын.

— Да. Спас.

Басаргин дошел до трамвайной остановки. Сырой весенний день близился к вечеру. В кинотеатре кончился сеанс, вытекавшая толпа была весело возбуждена.

На противоположной стороне улицы стоял человек в парусиновом плаще не по росту, с деревянным кустарным чемоданом. Человек встретил взгляд Басаргина, отвернулся.

Из кинотеатра валила толпа. Притиснутая к Басаргину женщина в чернобурке опасливо отстранилась от него. Басаргин отошел к стене дома.

— Огонь есть?

Перед ним стоял тот человек в плаще. Сухое узкое умное лицо. Сорок или шестьдесят — не понять. Басаргин достал спички. Тот поставил на землю чемодан и извлек

из кармаиа коробку папирос «Герцеговина Флор». Басаргин посмотрел иа коробку. Оии перегляиулись, взяли по папиросе, закурили. Стояли молча. Потом тот кивиул, поднял чемодаи, словно решившись, и быстро зашагал по улице. Он долго еще был виден в праздиой толпе.

Грибы были хороши! Крепкие боровики, толстеиькие красиые.

Дочь чистила грибы. Зять разводил костер. Виучка ловила в траве кузиечиков.

А старик Басаргии чистил у реки рыбу. Наловил он мелких окуией и плотвичек. Чистил, промывал и клал в котелок. Подошла виучка, ей было пять лет.

— А это кто? — Она показала ему ладоиь.

— Какая-иибудь иасекомая,— ои гляиул мельком, ио тут же сиова повериулся, взял ее ладонь, вгляделся в прозрачиого мотылька.

И встал.

Солице садилось за лес на том берегу, река была уже в теии, и в этом темиом воздухе иад водой бесшумно танцевали тысячи прозрачио-белых мотыльков.

— Дед, почему так?

Басаргии глядел иа быстрые круги от рыбы, покрывавшие всю воду.

— Это подеики,— сказал он.— Их личиики три года живут иа дие, а потом превращаются в этих мотыльков и все разом взлетают.— Он помолчал.— На иемиого минут.

Оиа была поражена.

— А потом?

— Падают обратио в воду.

— И потому — круги?

— Нет. Это их едят рыбы.

Оиа задумалась. Потом, потрясенная, прошептала:

— И все?!

— Нет. Оии сиова проживут иа дие, наберут сил, а потом взлетят. А потом снова, и снова... И род их не прервется.

Старик, задумавшись, смотрел далеко — за реку, за лес. Белесая половиика луиы в слабо-сиием небе казалась случайиым мазком.

Но чьей кисти?

Небо темиело, звезд еще не было, но время их подходило.

Гонорар за данную публикацию
автор просит перевести на расчетный счет
№ 340000702527 в ОПЕРУ 1 Жилсоцбанка Ленинграда
на памятник жертвам репрессий 20—50-х годов.